

Март 1860

Соединение Центральной Италии с Севернойю. — Уступка Савойи. —
Отношения Англии к савойскому вопросу.

23 марта (4 апреля) 1860.

Около 15 февраля, когда мы писали свой прошлый обзор, два главные вопроса итальянского дела, вопрос о Центральной Италии и о Савойе, находились в таком положении: по савойскому вопросу сделался официально известен факт, по которому носились слухи еще до начала прошлой войны, но который упорно отрицался дипломатами, — тот факт, что перед началом итальянской войны Сардиния обязалась уступить Франции Савойю в обмен за Ломбардию и Венецию и что Франция требует исполнения договора, хотя Венеция еще не принадлежит Сардинии. Надобно было предвидеть, что граф Кавур уступит в этом деле. По вопросу о присоединении Центральной Италии к Пьемонту раскрылось, что Франция никогда не изменяла тем принципам, которые должны составлять основание ее иностранной политики при нынешней системе. Было уже видно, что манифестации, произведенные в конце прошлого года для сближения с Англиею, напрасно истолковывались в смысле слишком безусловном, противоречившем тому, каким сама Франция ограничивала их. Было видно, что Франция всегда оставалась и останется верна своему первоначальному стремлению сохранить Тоскану отдельным государством. Некоторые полагали, что возобновление усилий в этом направлении служит только к тому, чтобы Сардиния охотнее уступила Савойю в обмен за разрешение соединиться с Тосканою. Но было очевидно, что Франция не нуждалась в таком средстве для приобретения Савойи, что ее сопротивление расширению северно-итальянского государства происходит не из посторонних соображений, а прямо из убеждения в несогласии такого факта с потребностями французской политики, и что даже после уступки Савойи она останется попрежнему расположена препятствовать соеди-

нению Центральной Италии с Северной. Теперь положительными фактами подтверждена справедливость такого взгляда, основанного на сущности дела. Савойя уже уступлена Сардинии, а Франция все еще продолжает убеждать туринский кабинет и жителей Центральной Италии, что лучше их землям остаться разными государствами. Верность французского правительства этой системе так велика, что даже и после решительного шага, сделанного итальянцами, после подачи голосов 11 и 12 марта (нового стиля)¹, после объявления Сардинии, что она принимает результат этого вотирования, парижский кабинет все еще продолжает настаивать, чтобы Сардиния не соединялась с Тосканой.

Эта точка зрения, которой мы постоянно держались, то есть убеждение в неизменности принципов французского правительства, будет служить для нас и теперь основанием при связанном изложении отрывочных газетных известий.

Начиная итальянскую войну, французское правительство смотрело на нее как на средство достигнуть одним разом нескольких целей, которые могут быть приятны или неприятны для других государств, но которые каждый хороший дипломат континентальной Европы не усомнится назвать действительно выгодными для французского правительства. Первою целью было отвлечь внимание французской нации от внутренних вопросов, по которым разные партии несогласны с нынешнею системою, к внешним делам, о которых огромное большинство французов думает одинаково с своим императором, то есть согласно с обыкновенными военными и дипломатическими понятиями о пользе и чести преобладания над другими странами. Это побуждение к ведению войны мы подробно излагали в начале прошлого года, когда война еще только готовилась². Не было тогда никакого сомнения, что война принесет в этом отношении пользу французскому правительству, и она действительно принесла ее. Если, как мы видим до сих пор, во всех странах Западной Европы общественное внимание отвлечено от домашних дел вопросами иностранной политики, то во Франции, которая является главною двигательною этих вопросов, иностранная политика с начала прошлого года до сих пор, конечно, должна была занимать умы с непреодолимою силою. Но для того, чтобы настроение умов, производимое иностранными делами, служило в пользу правительства, французские дипломаты должны были неуклонно вести эти дела сообразно принципу наиболее понятному и лестному для французского национального чувства. Из этой необходимости возникала забота французской политики о приобретении каких-нибудь новых областей, — стремление натуральное, неизбежное при системе, по которой ведутся теперь французские дела. Понимая эту необходимость, мы год тому назад говорили, что должен быть совершенно

достоверен слух о договоре, обязывающем Сардинию уступить Франции Савойю. Но одно приобретение Савойи и вообще какое бы то ни было расширение границ на юго-восток не могло удовлетворять потребностям французского правительства. Национальное чувство гордится преобладанием над чужими государствами едва ли не больше, нежели завоеванием пограничных областей. Дело шло об итальянском полуострове, потому важнейшею задачею французского правительства должно было служить приобретение решительной власти над итальянскими государствами. Тут все зависело от полного господства над Сардинию, которой было обещано расширение границ. Подчинив своей воле Сардинию, Франция уже легко могла бы приобрести безусловное влияние на другие итальянские кабинеты, которые могут держаться только французскою защитою против стремлений к единству, представителем которого служит Северо-Итальянское королевство. Мы несколько раз объясняли, что Виллафранкский мир прекрасно удовлетворял этой задаче. Сардиния становилась через него настолько сильна, что внушала ужас папе и неаполитанскому правительству. Но в руках австрийцев были оставлены крепости знаменитого четырехугольника, так что сама Сардиния должна была только во французском покровительстве видеть спасение себе от австрийцев. Допустить присоединение Тосканы и других земель Центральной Италии к Северо-Итальянскому королевству было решительно несогласно с таким расчетом. Королевство Виктора-Эммануэля, имея только 8 миллионов населения, не должно было мечтать о политической самостоятельности. Но в нем должна была родиться мысль о самостоятельности, когда оно, увеличиваясь землями Центральной Италии, приобретало население в 13 или 14 миллионов. Допустить это значило бы потерять власть над ним. Потому французское правительство с самого Виллафранкского мира постоянно говорило, что присоединение Тосканы к Пьемонту такая вещь, на которую оно ни в каком случае не может согласиться. Мы не будем повторять здесь многочисленных фактов, доказывавших искренность этих слов, и многочисленных планов, составлявшихся французским правительством для предотвращения события, несовместного с выгодами французского господства над Италией. В свое время мы говорили о посольствах Резе и Понятовского, являвшихся в Центральную Италию от имени императора французов доказывать ее жителям, что соединение с Пьемонтом невозможно. После Резе и Понятовского было еще несколько таких посольств; между прочим, ездил в Италию старинный друг Наполеона III, Тафель, с таким же поручением. Парижский кабинет посылал в Турин бесчисленное множество депеш в том же смысле; они были в свое время напечатаны, а теперь напечатаны и английские депеша, несомненно показывающие серьезность и искренность

усилий Франции не допустить расширения пьемонтских границ на юг. Мы не будем говорить также о всех многочисленных планах, имевших целью сохранить отдельные государства в Центральной Италии. Читатель помнит, что при заключении мира была у Франции мысль прямо восстановить прежние правительства в Тоскане, Парме, Модене и Романье; потом, по временам, этот план сменялся действиями для возведения на тосканский престол принца Наполеона, которому до войны предназначалось быть королем этрусским: когда казалось слишком трудным делом восстановить австрийских эрцгерцогов, Франция возвращалась к первоначальной своей мысли об отдаче Центральной Италии французскому принцу. Оба эти плана, — учреждение королевства Центральной Италии для принца Наполеона или восстановление прежних правительств, — несколько раз сменялись один другим, смотря по обстоятельствам. В конце прошлого года Франция останавливалась на том, чтобы дать Пьемонту Парму и Модену, восстановить в Тоскане великого герцога, а Романью отдать папе. Пьемонту говорилось, что если он не согласится на это, Франция предаст его на волю австрийцев. В таком положении были вещи около половины прошлого месяца. Теперь расскажем факты, которыми развивалось итальянское дело после того времени. Последняя воля французского правительства была выражена туринскому кабинету в ноте Тувнеля 24 февраля. Она послужила ближайшим поводом к такому решительному обороту дела, что мы, в противность своему обыкновению не останавливаться на дипломатических документах, представим извлечение из этой депеши.

Тувнель начинает словами, что пришла теперь пора «объясниться с полною откровенностью»; потому, говорит он, «я хочу изложить вам без всяких умолчаний мнение императорского правительства». Французское правительство хочет отвлечь от Италии войну и анархию; оно приглашает туринский кабинет содействовать ему в этом стремлении. «Туринский кабинет может избрать другой путь, но в таком случае общие интересы Франции не позволят императорскому правительству сопровождать его на этом пути». — «Скажем с полною откровенностью, что чувство, из которого возникла в некоторых частях Италии мысль о присоединении к Пьемонту и которым произведено выражение этого желания, есть не столько обдуманное влечение к Сардинии, сколько манифестация, направленная против одной из великих держав (Австрии). Если это чувство не будет сдержано в самом начале, оно не замедлит высказаться требованиями, с которыми будет должен туринский кабинет бороться по требованию рассудительности. Он подвергся бы двум одинаково плачевным шансам: войне или революции. Соображая все это, с твердым намерением выбрать решение, могущее наилучшим образом согласить нынешние требовательные обстоятельства с удобствами более

спокойного будущего, надобно признать, что пора остановиться на комбинации, которую можно представить на одобрение Европе с некоторым шансом успеха и которая сохранит за Сардиниею все нравственное влияние, на какое может она иметь притязание в Италии. Эта комбинация, по зрелому мнению императорского правительства, была бы такова:

1) Полное присоединение герцогств Пармского и Моденского к Сардинии.

2) Временное управление легатствами Романьи, Феррары и Болоньи под формою викариатства, которым будет заведывать король сардинский от имени папы.

3) Восстановление политической и территориальной независимости великого герцогства Тосканского.

Это переходное положение имело бы ту выгоду, что обеспечивало бы за Сардиниею необходимое ей политическое положение, удовлетворяло бы легатство с административной точки зрения, а с католической точки зрения было бы среднею мерою, которая успокоила бы сомнение совести. Этот последний результат важен для Франции, которая не может по принципу признать коренного раздробления папских владений. Мои слова о необходимости предупредить опасности, которым Сардиния подверглась бы, стремясь к большему расширению владений, в особенности прилагаются к Тоскане. Мысль присоединить великое герцогство, т. е. поглотить в другом государстве страну, имеющую столь прекрасную и благородную историю и столь привязанную доселе к своим преданиям, не может произтекать ни из чего, кроме стремления, опасность которого очевидна императорскому правительству. Это стремление обнаруживает в увлекательных им тайную мысль о войне против Австрии для завоевания Венеции и тайную мысль, если не о революции в папских владениях и Неаполитанском королевстве, то об угрозе спокойствию этих государств». — «Если туринский кабинет согласится на эту комбинацию, — продолжает Тувнель, — то французское правительство не допустит иностранного вмешательства в итальянские дела и будет требовать согласия великих держав на конгрессе или конференции». — «Нужны ли мне теперь длинные подробности, чтобы объяснить, какова будет наша система, если туринский кабинет, имея свободу выбора, захочет подвергаться опасностям, изложенным мною при указании средств избежать их? Предположение, по которому сардинское правительство могло бы рассчитывать только на одни свои силы, развивается, можно сказать, само собою, и мне было тяжело останавливаться на нем. По повелению его величества, скажу вам только, что мы ни за что в мире не согласились бы принять на себя ответственности в таком положении». В заключение Тувнель говорит, что при нынешнем увеличении Сардинии забота о собственной безопасности заставляет Францию требовать присоединения Савойи и Ниццы.

Со вступлением Кавура в управление делами политика сардинского кабинета стала смелее и тверже прежнего, потому надобно было ожидать, что Сардиния попытается на сопротивление парижскому приказанию. Но ответ Кавура от 1 марта был написан тоном более смелым, нежели могли надеяться итальянцы: сардинский министр безусловно отвергал даваемые ему советы и говорил, что если Пьемонту опасно отвергать их, то бесславно было бы принять их или даже вести какие-нибудь переговоры на их основании.

Если бы даже Сардиния по уважению к Франции могла принять предлагаемую комбинацию, говорит Кавур, это предложение встретило бы в Тоскане и в Романье затруднение столь сильное, что Сардиния не могла бы преодолеть его. «В населении Центральной Италии развилось сильное сознание права располагать своею судьбою. Это чувство было укрепляемо многократными формальными уверениями императорского правительства, что оно не дозволит подчинять Центральную Италию силой какому бы то ни было управлению; оно приобрело непреоборимую силу через обнародование четырех английских предложений, из которых два первые, вполне принятые Францией, безусловно устанавливают принцип невмешательства». Сардиния может только сообщить французское предложение правительствам Центральной Италии, которые отдадут его на решение самого населения Центральной Италии. Но, по всей вероятности, оно будет отвергнуто народом Центральной Италии. Впрочем, каковы бы ни были ответы государств Центральной Италии, сардинское правительство вперед обязывается безусловно согласиться с ними. Если Тоскана захочет остаться отдельным государством, Сардиния не только не станет противиться, а напротив, будет помогать исполнению ее желания; точно так же она поступит относительно Пармы, Модены и Романьи. Но если эти области снова выразят желание присоединиться к Пьемонту, Сардиния не может более отказываться от того. «Если бы мы и хотели, мы не могли бы противиться этому, — говорит Кавур. — При нынешнем состоянии общественного мнения, министерство, которое отвергло бы такое желание, вновь выраженное, было бы низвергнуто единодушным порицанием». — «Мы понимаем, какой опасности подвергнемся, когда согласимся на присоединение Центральной Италии, — продолжает Кавур, — мы знаем, что опасность эта увеличивается тем, что Франция указывает на нее. Но мы должны сделать это, будучи убеждены, что иначе не только кабинет, но и сам король Виктор-Эммануэль потерял бы всякую популярность, всякую нравственную власть в Италии и, вероятно, не осталось бы ему никаких иных средств управления, кроме насилия».

Такой язык не совсем обыкновенен в дипломатических бумагах, посылаемых от слабейшего к сильнейшему. Мы далеко не поклонники Кавура, но должны сказать, что депеша 1 марта

приносит ему большую честь. Если мы осуждаем его образ действий перед итальянскою войною и во время войны, то осуждаем именно за то, что недоставало в нем твердой уверенности, которою одушевлена депеша 1 марта. Еще замечательнее было, что слова сопровождалась столь же отважными действиями: вместе с письменным ответом Тувнелю дан был фактический ответ распоряжением, чтобы 11 и 12 марта жителям Центральной Италии было предложено решить своими голосами вопрос о присоединении к Пьемонту. Это решение было уже несколько раз выражено конституционными собраниями центрально-итальянских областей; но было известно, что Франция считает нужным подвергнуть волю Центральной Италии новому испытанию. Французское правительство придавало непосредственной подаче голосов всеми взрослыми людьми большую важность, чем решению представителей, выбранных не всем населением, а только частью его, подходившею под избирательный ценз. Чтобы устранить всякий формальный предлог к отрицанию ответственности решения с волей всего населения, назначено было допустить к вотированию всех взрослых людей, без всякого ценза. Само собою разумеется, что предпочтение всенародного вотирования вотированию с цензом было со стороны Франции основано не на отвлеченном уважении к демократическому принципу, а просто на том предположении, что простолюдины и в особенности поселяне Центральной Италии менее проникнуты стремлением к единству, чем горожане и люди образованных сословий. В самом деле, мы постоянно читали уверения, что в Тоскане, Модене и т. д. поселяне не разделяют ненависти либералов к прежнему порядку дел и в особенности к прежнему раздроблению нации на маленькие слабые государства. Эти уверения слышались не от одних противников итальянского единства: сами итальянские либералы сильно сомневались в том, пользуются ли сочувствием поселян. Надобно полагать, что в последнее время Фарини, Рикасоли и Кавур постарались точнее разузнать это, — иначе они не стали бы рисковать призыванием всего населения к вотированию. Депеша Кавура, извлечение из которой мы привели, показывает полную уверенность, что при всеобщем вотировании большинство поселян будет на стороне патриотов. Читателю известно, что результат вотирования оправдал эту надежду с такою полнотою, какой не ожидали даже люди, наиболее уверенные в патриотизме простолюдинов. Мы приведем из «Times'a» отрывки писем, в которых рассказывается, как происходило торжественное выражение национальной воли:

«Флоренция, 11 марта.

Теперь пять часов вечера; первый день вотирования прошел и, — я хотел прибавить: половина судьбы герцогств и Романьи решена, — нет, я могу с уверенностью сказать: их присоединение к Пьемонту решено. Не умею сказать вам, сколько голосов уже подано в Эм依лии; билеты лежат в запе-

чатанных урнах, остается для вотирования еще 24 часа, но я, не колеблясь, уже сообщаю вам результат вотирования.

Я расскажу вам, что я видел ныне с 6 часов утра, и я не сомневаюсь, что вы вместе со мною будете вперед уверены в результате. Вчера поздно вечером я выехал из Турина, чтобы утром можно мне было выехать из Пьяченцы и, проезжая по всей стране, как можно больше познакомиться с народным движением.

Мы приехали в Пьяченцу в двенадцатом часу ночи, в то самое время, как восходящий месяц начинал освещать безобразные окопы, остатки сооружений, возведенных австрийцами в начале прошлого года. Ворота в городских стенах были уже заперты, и когда они отворились впустить поезд, казалось, будто въезжаешь во французскую крепость; куда я ни смотрел из окна вагона, везде видел только синие французские шинели и синие фуражки в узких улицах; где было какое-нибудь движение, оно производилось только этими синими фуражками, видневшимися при тусклых лампах, зажженных по древнему обычаю в честь восходящего месяца. Это преобладание синего цвета объясняется тем, что в Пьяченце стоит целая французская дивизия. Вероятно, для сглаживания этого оттенка была тут же поставлена одна рота сардинской пехоты.

Я упоминаю об этом впечатлении потому, что оно было довольно странным введением к поездке, делаемой с тою целью, чтобы видеть, как подаются голоса о присоединении Центральной Италии к Пьемонту. Месяц был еще на половине неба, когда я пришел опять на станцию, потому что поезд отправляется в шесть часов утра. Таким образом, я был в Пьяченце только ночью, но все-таки при лунном свете мог повсюду на стенах видеть афиши с словами: *Annessione alla Monarchia costituzionale del Vittorio Emanuele**; это показывало, что 9 000 противников присоединения, поставленных в Пьяченце, произвели мало действия на умы горожан.

Начинало светать, когда мы выехали, и на первых милях покрытые снегом поля с одинокими фермами не показывали никакого признака жизни; все было холодно и неподвижно: и белая от снега окрестность, и снежные вершины Аппенин вдалеке, и даже Болонское шоссе, древняя *via Emilia***, идущее до самой Болоньи подле железной дороги, было также пустынно, как вся окрестность. Это продолжалось с час. Но еще перед нашим приездом в Кастель Гуэльфо, на последнюю станцию перед Пармой, люди проснувшись. Солнце взошло, колокольный звон слышался сквозь шум поезда. На шоссе показались экипажи и одинокие путники; ставни и двери ферм начали раскрываться. Свет принес жизнь, и великий день для Центральной Италии начался.

Едва я заметил это дремавшему господину, сидевшему подле меня, как мы с ним ясно услышали сквозь стук железных колес и рельсов народный крик, повторявшийся безумолку. Мы раскрыли окно вагона и шагах в трехстах от большой дороги увидели процессию поселян: они шли с трехцветным флагом впереди и приветствовали поезд криками: «*Viva l'Italia! Viva Vittorio Emanuele!*»*** Это были все мужчины соседней общины, одною толпою шедшие вотировать в главное село округа, на ту самую станцию, где мы должны были остановиться. Было еще не больше 7 часов утра, а вотирование начиналось в 10 часов. Мы еще не проехали и пятой части нашего пути, и с этой минуты до конца пути мне казалось, будто я вижу все население герцогств и Романьи вышедшим в путь. Шоссе, вдоль которого мы все время ехали, постоянно было наполнено идущим народом. Маленькими и большими отрядами, каждый с трехцветным знаменем, каждый

* Присоединение к конституционной монархии Виктора-Эммануэля. (Прим. ред.)

** Дорога Эмилия. (Прим. ред.)

*** «Да здравствует Италия! Да здравствует Виктор-Эммануэль!» (Прим. ред.)

с песнями и патриотическими криками, шли поселяне в города. На каждой станции стояли или шли через нее такие группы. Чем ближе подходил час вотирования, тем сильнее увеличивался этот поток. Казалось, будто видишь перед собою какой-то пикник всего населения. Прекрасный светлый день, конечно, много содействовал общей радостной готовности.

Впрочем, Парма и Реджо всегда считались благорасположенными к соединению городами; но что-то будет в Модене, где так систематически старались подействовать на простолюдинов, особенно на поселян, деньгами и через аристократических землевладельцев, чтобы отвратить народ от соединения? Мои сомнения были рассеяны самым блестящим образом. На самой моденской станции большая дорога из округов по реке По перерезывает железную дорогу, и на этом перекрестке сотни поселян со множеством трехцветных знамен, украшенных савойским крестом и патриотическими девизами, предводимые своими синдиками и священниками, стояли, ожидая, пока пройдет поезд, и приветствуя его громкими криками.

Вотирование шло так, что имело характер не борьбы, а национального торжества и праздника. Мне почти не встречалось на дороге такого человека, у которого на шляпе не было бы девиза присоединения. Люди низших и высших сословий были одинаково украшены этим девизом. Впечатление усилилось еще во сто раз, когда мы приехали в Болонью. Тут не было дома, не было лавки без надписи: *Viva Vittorio Emanuele, nostra legitimo ré! Viva l'annessione! Fedeltà al nostro ré!**

Для поселян и для горожан вотирование одинаково казалось второстепенною формою, а главным делом было ходить по улицам процессиями, с флагами и музыкою, песнями и патриотическими криками, и радость была главной чертою этого дня. Болонья с своими узкими улицами, по которым идут ее неподражаемые аркады, капризно разнообразные, но составляющие гармонический ансамбль, чрезвычайно удобна для таких проявлений энтузиазма. Окна и балконы были украшены флагами, коврами, шелковыми фестонами, часто с вышитыми на них гербами владельцев. Даже колонны аркад не избежали украшающей мании и были одеты красными и зелеными материями. Площади были местами встреч для процессий, из которых многие расхаживали по городу целый день: мест вотирования было одиннадцать в городе и по соседству, потому довольно дела было ходившим по всем этим местам процессиями студентов, работников, ремесленников разных промыслов. Главным местом встреч для процессий была *Piazza Maggiore*** с высокою башней Азинелли, поднимающеюся над целым городом. Крыльцо церкви, стоящей на *Piazza Maggiore*, было постоянно наполнено народом, наполнявшим и балконы на правой стороне от церкви. Эти толпы беспрестанно обменивались патриотическими криками с проходившими через площадь процессиями: махали платками, шляпами, кричали всевозможные *evviva*.

Я говорил, что само вотирование было второстепенным делом. Вотировать просто казалось предьявить билет на участие в общей радости. Интересно будет посмотреть, сколько голосов подано против соединения: судя по всему, что я видел, надобно думать, что разве один из ста».

«Болонья, 12 марта, 9 часов утра.

Вчера к вечеру затихло движение, чтобы возобновиться через минуту, возобновиться с новым одушевлением, сильнее прежнего. Зажжение первой лампы на улицах было сигналом этого возобновления. В один миг на всех балконах явились бумажные фонари и восковые факелы. Искуственной ил-

* Да здравствует Виктор-Эммануэль, наш законный государь! Да здравствует присоединение! Верность нашему государю! (Прим. ред.)

** Площадь Магжоре. (Прим. ред.)

люминации горожане не хотели делать, они хотели только осветить чудные улицы своего города. Эффект был магический. Он придавал великолепным зданиям совершенно новый характер. Особенно площадь перед дворцом правительства превосходила своею эффектностью все, что когда-нибудь я видел. Целый город казался одною сценическою декорациею, и все население города толпилось по улицам до поздней ночи. Все было оживлено; беспрестанно менялись, сходились и расходились группы, с веселыми криками. И во всем этом шуме и веселости не было ничего грубого: я не видел ни одного человека пьяного.

Полутору, с половины 8-го, народ стремился главным образом к театру, где поэт Гьянси должен был читать стихотворения, соответствовавшие случаю. Тут происходила великая демонстрация. Зала была битком набита. Каждому стихотворению аплодировали с фурором. Первое из них, *Pio IX e guerriero**, было поэтическим судом над папою, второе, *Aquila d'Austria*** и третье, *Appensione****, говорили об австрийцах и соединении Италии. Энтузиазм был непреодолим, так что прусский генерал реакционной партии, случайно попавший в театр, также увлекся, аплодировал и кричал не хуже самого патриотического итальянца.

«Модена, 13 марта.

Мои впечатления о результате вотирования в Болонье, посланные к вам во вчерашнем моем письме, оказались верны. Нет сомнения, что вчера решилась судьба Центральной Италии. Выезжая из Болоньи ныне полутору, я справился о числе вотировавших и узнал, что из 21 тысячи человек, внесенных в списки города Болоньи и его предместий, 17 000 подали вчера голоса. Я уехал еще в 11 часов утра, но уже более 1 000 человек из остальных пришли вотировать. Вид городских улиц заставлял предугадывать такой результат, но даже и бывши приготовлен к нему, невольно удивляешься его величию. Даже в странах, где простолюдины не участвуют в выборах, такая большая пропорция вотирующих была бы чрезвычайна; еще удивительнее она при всеобщем вотировании. Простолюдины вообще не охотники вотировать, и потому всегда бывает, что множество из них не подают голосов. Вотирование продолжается еще до 5 часов вечера, стало быть можно ожидать, что по крайней мере девять десятых из всего числа избирателей в Романье подадут голоса. Это общее участие в выборах служит самым поразительным признаком интереса, который возбуждается во всем населении вопросом, решаемым в эти дни; это надобно отчасти объяснить долговременным приготовлением к нему. Присоединение вот уже несколько месяцев было единственною мыслью, занимавшею народ, и от частых препятствий она только усиливалась и распространялась.

Несмотря на столпление народа, все происходило с совершенным спокойствием и порядком, благодаря народным нравам. Избиратели в Болонье были разделены для вотирования на 11 отделов по алфавитному порядку фамилий, так что в каждом из 11 изал, назначенных для вотирования, подавали голоса люди, фамилии которых начинаются с известных букв. Такой порядок представлял новое удобство для манифестации. Ремесленники и работники каждого промысла собирались все вместе с флагами и знаменами, с оркестром, если только могли нанять его, или просто с своими громкими голосами, если не было у них денег нанять музыку. Все вместе они ходили по всем отделам, начиная с А и кончая Z. В каждом отделе принадлежавшие к нему люди входили в залу и подавали голоса, а товарищи ждали их на улице с патриотическими криками. Вотирование шло

* Пий IX и война. (Прим. ред.)

** Орел Австрии. (Прим. ред.)

*** Присоединение. (Прим. ред.)

самым простым и правильным порядком. Описание того, как происходило оно в одном отделе, покажет, как происходило оно во всех. Возьмем, например, отдел, в котором были фамилии, начинающиеся буквою М. Местом вотирования для этого отдела был дом Пеполи. В каждом итальянском городе есть фамилии, столь тесно связанные с городской историей, что считаются как будто бы принадлежностью или собственностью целого города. К таким фамилиям в Болонье принадлежат Пеполи, и нынешний представитель их рода один из популярнейших людей в целой Романье. Естественно было выбрать местом вотирования обширную залу его старинного дворца. Вы всходите по широкой лестнице, какие бывают только в Италии, по лестнице, которая одна занимает пространство целого дома. На площади, вверху лестницы, стоит человек, который отбирает трости, зонтики и другие оружия. Вы отворяете дверь и видите себя в огромной зале XVI столетия, со стенами, на которых гербы разных членов фамилии, с полами из мраморной мозаики; зала увешана фамильными портретами, которые как будто с изумленным любопытством смотрят на нынешние дела. Против дверей поставлен длинный стол, около которого стоят человек десять в пальто и шляпах. Стол завален списками избирателей. Перед столом закрытая урна фута в четыре вышины, запечатанная четырьмя печатями; посредине крышки ее сделан узкий прорез для опускания билетов. Два человека безотлучно охраняют эту урну, как сокровище. Избиратель входит, осматриваясь, куда ему направиться. Ему показывают к столу. Высокий человек вежливо спрашивает у него фамилию. Это президент отдела, Мингетти, один из людей, получивших известность во время последних событий. Раскрывается список избирателей, ставится в нем значок против имени человека, подающего голос, и он кладет в ящик свой билет; так требует форма; но да или нет в этом ответе вовсе не тайна, потому что почти у каждого билет был прикреплен на шляпе или фуражке, и на каждом билете я видел решение в пользу единства.

Когда я прибыл в Модену, вотирование уже кончалось, но я скажу вам, хоть вы не поверите этому: город был оживлен; действительно, факт невероятный в прежней столице Франциска IV. И здесь, как в Романье, ожидают, что почти все голоса без исключения будут в пользу присоединения».

Читателю известен результат вотирования. Можно сказать, что только больные и отсутствующие не подали своих голосов, а каждый, кто только мог дойти до урны, собиравшей голоса, исполнил свой долг. Такая огромная пропорция вотировавших почти беспримерна в европейской истории. Читателю известно также, что едва одна пятидесятая часть голосов оказалась не в пользу соединения и что единодушие, с которым безмерное большинство населения потребовало национального единства, было поразительно, превзошло все надежды самых жарких патриотов. Читатель знает также, что немедленно после вотирования были отправлены областями Центральной Италии депутации в Турин просить Виктора-Эммануэля принять Центральную Италию в состав Северно-Итальянского королевства, что король безусловно согласился на просьбу, что теперь назначены в Центральной Италии выборы депутатов для общего парламента королевства, одинаково обнимающего собою Пьемонт, Ломбардию и всю Центральную Италию, что этот парламент собрался 2-го апреля. Без всякого сомнения, он будет могущественнейшей опорой туринскому правительству в его национальных стремлениях. Таким образом, со стороны самих итальянцев дело решено без-

возвратно, и если бы туринское правительство захотело теперь повернуть назад, уступая французским требованиям, то оно действительно было бы принуждено прибегнуть для этого к мерам насилия, о которых говорит в своей ноте Кавур и которыми он едва ли захочет обесславить себя и лишиться всякой нравственной силы своего короля. Отступить от сделанного было бы теперь со стороны Кавура низостью и предательством.

Но преждевременно было бы считать теперь дело уже совершенно поконченным. Очень может быть, что придут те опасности, которыми Тувнель грозит итальянцам в своей депеше от 24 февраля. Вопрос решен для итальянцев, но французское правительство до сих пор не хотело соглашаться с ними, не хотело согласиться даже и в последние дни, ни после единодушного вотирования в пользу единства, ни после того, как Виктор-Эммануэль объявил Центральную Италию частью своего королевства. Франция до сих пор продолжает настаивать, чтобы дело оборотили на путь, указанный нотою 24 февраля, и чтобы отклялись от действий, противных этому указанию. Одновременно с каждым новым шагом итальянцев к единству Франция повторяла требование, чтобы они отказались от своих намерений и покорились ее воле. Так, например, в то самое время, как издавался во Флоренции и Болонье декрет о вотировании, 1 марта, император французов объявлял в своей речи при открытии законодательного корпуса, что порицает действия итальянцев, несогласные с его прежними советами. В те же самые дни действовал в том же смысле поверенный императора французов Альбери, приехавший во Флоренцию из Парижа в конце февраля. Он уже и прежде являлся в Центральной Италии истолкователем воли Наполеона III; теперь было ему поручено возобновить прежние настояния. Альбери, итальянец и патриот, человек честный и благонамеренный. Подобно Монтанелли³ он постоянно советовал своим соотечественникам покориться французскому требованию, не потому чтобы сам не сочувствовал делу единства, а только потому, что считает непреодолимыми те затруднения, которые поставляются Франциею осуществлению национальных стремлений. Мы приведем письмо флорентинского корреспондента «Times'a» о последнем посольстве Альбери.

«Альбери возвратился из Парижа, где он имел разговоры с императором, и теперь говорит тоном человека, которому поручено передать мысли императора его соотечественникам. Я уже несколько упоминал об Альбери, выражая свое твердое убеждение в честности его характера. Он — один из немногих тосканцев, защищающих мнение об отдельном тосканском королевстве и поддерживавших притязания принца Наполеона на тосканский престол. Нельзя сомневаться в том, что он с точностью передает слова императора.

Император Наполеон убеждает через него итальянцев, что и теперь, в последние минуты дела, план присоединения к Пьемонту несуществим, — более несуществим, нежели когда-нибудь; что каково бы ни было его

собственное расположение согласиться с этим «капризом народа», он встречает в удовлетворении народному желанию прпятствия столь сильные, что даже колоссальное могущество его империи не дает ему средства побороть их. Образование итальянского королевства с населением в 12 000 000 несовместно с присутствием австрийцев в Венеции. Оно противно венскому кабинету в особенности потому, что делается в пользу Сардинского королевства, которому Австрия приписывает все свои бедствия в Италии, с которым теперь предвидит борьбу за самое свое существование. По мнению императора, этот план столь же невыносим для Рима, для Неаполя и для всех великих монархий, защищающих мелкие итальянские государства и вообще принцип легитимизма. Присоединение Центральной Италии к Северной, по мнению императора, немедленно повело бы за собою всеобщую войну. А он сам не хочет такой войны, да и Франция не пошла бы на нее с охотою, и Англия не стала бы его поддерживать в ней. Если итальянцы безрассудно останутся при своей мысли о соединении, ясно, что должен сделать император: он немедленно выведет свою армию из Ломбардии, останется спокойным зрителем борьбы, в которой партия присоединения будет иметь против себя Австрию и южные итальянские государства. Хотя бы все, созданное им, разрушалось этою борьбою, он должен будет предоставить итальянцев их судьбе, отдать ее австрийцам, от которых она потом не избавится в двести лет. Но император не желал бы отдать австрийцам и их наместникам ни одного вершка земли, которую отнял у них, и если дело не будет доведено до новой войны, Австрия согласится на сделку: она непреклонна только в двух вещах, в решимости сохранить Венецию и не допустить увеличения Сардинии. Император думает, что постепенно мог бы склонить Австрию, чтобы она передала ему все права низложенных принцев ее династии, государей моденского и тосканского; а папа, сколько бы ни сердился, находится в руках императора и кончит тем, что покорится ему. Главным затруднением служат сами жители Центральной Италии, и император объявляет, что готов спасти их, если они послушаются внушений рассудка. Пусть вопрос о Центральной Италии будет на время отложен, с сознанием, что возможно будет со временем всякое решение его, кроме присоединения к Сардинии. Пока пусть будет назначен регент для управления Тосканою и маленькими герцогствами, пусть он управляет и легатствами, как вассал папы. Кого назначить регентом, император не говорит прямо; не говорит и того, может ли этот регент рассчитывать в случае надобности на содействие 50 000 французов, находящихся в Ломбардии, или хотя части их, против нападения австрийцев. Потом, через несколько месяцев или лет регентства, — во время которых французские войска останутся в этой земле, — можно будет предложить жителям Центральной Италии вопрос, хотят ли они иметь своего регента королем; отвечать они будут по испытанному французскому способу, общенародным вотированием и просто «да» или «нет»; результат без сомнения будет в смысле, которого желает император».

То же самое говорит патриот еще более знаменитый, ветеран 1848 года, храбро сражавшийся тогда против австрийцев и получивший тяжелую рану в несчастной борьбе, Монтанелли. Если такие люди, как он и Альберти, советуют своим соотечественникам отступить перед опасностью, то надобно думать, что опасность действительно ужасна. Она так велика, что в самой Италии беспрестанно носились в последнее время слухи, будто бы Кавур уступил или уступает требованию французского правительства. Вот что говорили, например, во Флоренции в конце февраля, за три дня до декрета о вотировании. Мы, по обыкновению, переводим отрывок из корреспонденции, печатаемой в «Times'e».

«Последнее известие ныне состоит в том, что Франция и Пьемонт заключили конвенцию, по которой Пьемонт соглашается на учреждение отдельного королевства Центральной Италии, состоящего из Тосканы, Романьи и части Модены; королем будет назначен малолетний герцог Генуэзский Альберт-Виктор, племянник короля (Альберт-Виктору всего теперь шесть лет); опекуном его и регентом королевства будет назначен принц Наполеон, женатый на двоюродной сестре малолетнего короля, принцессе Клотильде. Таким образом, Центральная Италия по крайней мере на 12 лет, до совершеннолетия Альберта-Виктора, будет вассальным владением французской династии».

Сам корреспондент «Times'a», передающий этот слух, называет его сказкою. Но этой сказке верили, и для нас важно не то, основательна ли она, а то, что ей верили: это свидетельствует, как сильны были настояния Франции, если Италия могла думать, что Кавур уступает им. Через несколько дней разнесся слух о новом претенденте из французской династии на престол Центральной Италии. Сыновья тех братьев Наполеона, которые были сделаны королями во время первой империи, до последнего времени не имели близких отношений к сыновьям Луциана Бонапарте, который еще во время консульства поссорился с Наполеоном. Под именем принцев Канино они живут в Италии и пользуются в ней большою популярностью за свои демократические принципы. В феврале один из членов фамилии Луциана Бонапарте, Карл-Наполеон принц Канино, был вызван в Париж; император французов пожаловал ему титул королевского высочества, признав его принцем своей династии, чего прежде не хотел, и стал давать ему почетное место подле себя на всех торжественных церемониях. Мы не имеем претензии отгадывать, справедливо ли заключают из этого, что император французов, увидев непопулярность принца Наполеона в Тоскане, хочет заменить этого прежнего кандидата новым кандидатом на престол Центральной Италии, принцем Карлом-Наполеоном, семейство которого пользовалось любовью итальянцев; справедлив или несправедлив этот слух, мы увидим в довольно скором времени, а теперь приводим его только как новое выражение мнений, господствующих в Париже и в самой Италии относительно намерений императора французов. Вот еще любопытный факт о том, какие усилия делало в конце февраля французское правительство, чтобы склонить Кавура к согласию на проект, изложенный в ноте Тувнеля от 24 февраля. Теперь мы сообщаем читателю уже не предположение публики, а положительное сведение об одном из средств, которыми французские дипломаты действовали на Кавура и других государственных людей Италии. Этот факт мы берем из письма туринского корреспондента «Times'a» от 9 марта:

«28 февраля французский посланник в Турине, барон Талейран, представил графу Кавуру ноту 24 февраля и вместе с нею прочел сардинскому министру другую депешу, присланную от Персиньи⁴, французского посланника в Лондоне, французскому министру иностранных дел; Персиньи в

этой депеше уведомляет Тувнеля, что сообщил французские предложения лорду Росселю и что Россель согласился на решение, даваемое этими предложениями. Такое известие могло озадачить даже человека столь твердого, как Кавур. Итак, Англия, после всех своих уверений, изменяет в решительную минуту! Но удар грома был отпарирован электричеством в другой форме: прежде чем депеши, прочтенные Кавуру Талейраном, успели приехать из Парижа в Турин по железной дороге, по телеграфу уже было получено известие об ответе, какой был действительно дан лордом Росселем на французские предложения: английский министр сказал Персиньи, что эти предложения «убийственны» для итальянской независимости. Любопытно было бы взглянуть на саркастическое выражение лица, с которым Кавур отвечал, что по его мнению г. Персиньи ошибся, потому что он, Кавур, имеет основание думать, что английское правительство решительно против французских предложений».

Как было не рассчитать, что известие об ответе Росселя на депешу Тувнеля придет в Турин по телеграфу раньше, чем доедет до Турина по железной дороге депеша Персиньи, излагающая вместо подлинного ответа Росселя тот ответ, какой нужен был бы для французской системы? Но во всяком случае, отважность, с которою хотели подействовать на Кавура этим замечательным способом, заслуживает удивления.

В то же время действовали другим способом. Тувнель в депеше 24 февраля говорил, что если туринский кабинет не покорится французскому плану, Франция должна будет вывести свои войска из Ломбардии, так что Италия останется беззащитною против австрийцев.

Если бы французские войска были все выведены из Италии тотчас после Виллафранкского мира, Сардинии не было бы от этого никакой опасности. Если Франция хотела защищать Пьемонт и Ломбардию от австрийского вторжения, она одними словами достигла бы этой цели столь же верно, как и оставлением целой своей армии в Милане: каждому известно, что без положительного разрешения Франции австрийцы никогда не думали переходить границ, оставленных им по Виллафранкскому миру. Собственно для защиты Италии французская армия в Ломбардии была не нужна; но она в этой позиции служила сильною поддержкою французскому влиянию на туринский кабинет. Оставляя свое войско в Ломбардии, Франция имела в виду свои собственные интересы, а не интересы итальянцев; это ясно. Но столь же ясно и то, что вывод французской армии из Ломбардии должен теперь иметь уже совершенно иное значение: если Франция говорила, что присутствие ее армии в Милане служит выражением ее покровительства сардинскому правительству, то удаление этой армии должно было показывать австрийцам и целой Европе, что Италия лишается всякой надежды на французскую поддержку в случае австрийского нападения; отзывая свои войска из Италии, Франция прямо приглашала австрийцев начать наступательную войну, для наказания итальянцев за непокорность советам парижского кабинета. Около целого месяца продолжалась

эта угроза, и наконец она исполняется. Австрийцы теперь знают, что Италия лишилась права на французскую помощь против них. Публицисты, не разделяющие того взгляда на французскую политику, которого мы постоянно держались, не могли отрицать, что со вступления Кавура в управление делами неудовольствие парижского правительства против Пьемонта выражалось сильными признаками пред лицом всей Европы. Но они все-таки хотели предполагать, что этот очевидный разрыв должен считаться только наружным фактом, скрывающим под собою совершенно иные отношения; они называли холодность просто демонстрацией, дипломатическим маневром, говорили, что император французов, выказывая гнев Пьемонту, действует неискренно, вводит, по тайному согласию с Кавуром, в обман Европу. Такое предположение, оскорбительное для императора французов, не заслуживает ни малейшего доверия по своей натянутости. Факты показывают, что император французов действительно имел те намерения, которые приказывал Тувнелю излагать в депешах, всем известным. Предположение противного было так неправдоподобно, что даже публицисты, его представлявшие, признавались в его неверности. Но у них было еще другое ожидание: они говорили, что холодность и угроза имеют целью только вынудить у Сардинии уступку Савойи, что когда эта страна будет отдана Франции, вотирование Центральной Италии послужит для парижского кабинета поводом согласиться на соединение Центральной Италии с Пьемонтом и оставить свои прежние планы об отдельном королевстве Центральной Италии, объявив, что император французов не может не признать решительного значения за всеобщим вотированием, на котором основывает он свою собственную власть во Франции. Факты показали теперь несостоятельность таких ожиданий, противных принципам и целям французской политики. Савойя уже уступлена Пьемонтом, а Франция продолжает оставаться в прежних отношениях к кабинету Кавура и вотированию центрально-итальянского населения не придает значения, несогласного с целями своей политики. Парижский кабинет ни мало не смутился результатами вотирования 11 и 12 марта. Он объявляет, что выражение чувств Центральной Италии надобно понимать следующим образом: в Романье единодушная готовность присоединиться к Пьемонту означает только нежелание романьольцев возвратиться под власть папы и притом нежелание возвратиться под эту власть только в том предположении, что папа не произведет административных реформ. Если же римское правительство согласится на реформы, предлагаемые ему парижским кабинетом, то возвращение под власть папы вовсе не будет, по мнению парижского кабинета, несогласно с чувствами романьольцев. Еще менее противно было бы их желанию образование отдельного королевства, государь которого находился бы к папе в отношениях вассала. Точно так же истолковывает парижский

кабинет и вотирование Тосканы: 11 и 12 марта Тоскана сказала вовсе не то, чтобы хотела присоединиться к Пьемонту, а просто только то, что не желает восстановления великого герцога. Отдельное королевство будет совершенно удовлетворять желанием тосканцев, лишь бы только королем был назначен какой-нибудь другой принц, а не принц прежней династии. Конечно, такое объяснение не вполне соответствует тому поставлению вопроса, на которое отвечала Центральная Италия своим вотированием. Спрашивалось не то, хотят ли романьольцы и тосканцы возвратиться под власть папы и австрийского эрцгерцога; вопрос был прямо о том, хотят ли они оставаться отдельными от Пьемонта под каким бы то ни было правительством или присоединиться к Пьемонту. Но что ж из этого следует? Следует только то, что вопрос был поставлен дурно, оттого и ответ получился дурной, вовсе не выражающий желаний Центральной Италии. Парижскому правительству эти желания известны, и потому оно после вотирования продолжает говорить, как говорило до вотирования, что надобно сделать из Центральной Италии особенное королевство.

В таком положении находится теперь дело Центральной Италии. Фактически оно решено: Тоскана, Романья и мелкие герцогства присоединены к Пьемонту и Ломбардии; но удержится ли это соединение? Не сделает ли туринский кабинет каких-нибудь уступок, хотя уступать теперь было бы уже очень неловко? Или не возникнут ли весной военные события, которые дадут вопросу новый оборот, поведут к освобождению Венеции или к восстановлению прежнего порядка дел в Центральной Италии? Этих вещей предугадать еще нельзя, не потому, впрочем, чтобы они облечены были дипломатическою тайною, а просто потому, что и сами дипломаты еще не знают, чем разыграется дело. Желания и намерения каждого кабинета известны всей европейской публике, но неизвестно и самим кабинетам, возникнут ли случаи, нужные для осуществления намерений того или другого из них. Точно в таком же положении находится и другое дело, возникшее из прошлой войны. Фактически Савоя уже уступлена Франции, но неизвестно, к чему поведет это совершившееся расширение французских границ.

Люди, не умеющие или не желающие придавать дипломатическим объяснениям их истинный смысл, находят, что Франция и Сардиния действовали в савойском вопросе неискренно. Мы должны сказать, что обвинения подобного рода совершенно неприменимы к дипломатическим приемам в глазах людей, понимающих характер дипломатических объяснений. Начнем изложением фактов, на которых основываются порицания в неискренности. Мы приведем их по прениям английской палаты общин, которая служит теперь, при ничтожестве французского законодательного корпуса и при неразвитости парламентской независимости в прусской палате депутатов, единственным общеевро-

пейским местом официального перевода политических дел с дипломатического языка на обыкновенный. Кинглек, член торийской оппозиции, который принял на себя обязанность следить в палате общин за действиями министерства по итальянскому вопросу, следующим образом излагал переговоры в своей речи 28 февраля об участии Савойи:

«Когда и как возник план присоединить Савойю и Ниццу к Франции? Правда или не правда, что мысль об этом присоединении существовала еще до начала войны? Император французов, начиная итальянскую войну, получил согласие Европы на это предприятие торжественнейшими уверениями, что не питает никаких честолюбивых замыслов, никаких замыслов об увеличении Франции. — Императорское правительство, — писал граф Валуевский (тогдашний французский министр иностранных дел) герцогу Малаховскому (Пелисье, тогдашнему французскому посланнику в Лондоне), — не имеет никаких тайных замыслов, никаких честолюбивых видов, ему не в чем притворяться, нечего скрывать». — 27 апреля (при вступлении французских войск в Италию) граф Коули (английский посланник в Париже) писал лорду Мальмсбери (тогдашнему английскому министру иностранных дел): «Граф Валуевский сообщил мне вчера, что послал герцогу Малаховскому, для передачи правительству ее величества, депешу, в которой давал уверение, что императорское правительство не руководится никакими завоевательными или честолюбивыми намерениями». Еще ближе касаясь предмета, о котором теперь мы говорим, граф Валуевский писал герцогу Малаховскому следующее: «Альпийские проходы не в наших руках, и для нас чрезвычайно важно, чтобы ключ к ним остался в Турине, — только в Турине. — Его императорское величество, сохраняя строгую верность словам, которые сказал он, когда французский народ возвратил его на трон главы его династии, не одушевлен ни личным честолюбием, ни желанием завоеваний». В форме еще более резкой и публичной повторил это уверение сам император 8 июня, вступив в Милан. В прокламации своей к итальянскому народу он говорил: «Ваши враги, которые также мои враги, старались уменьшить симпатию к вашему делу, существующую в целой Европе, убеждая мир, что я веду эту войну только для личного честолюбия или для увеличения французской территории. Если есть люди, не понимающие своего времени, я не принадлежу к их числу. При нынешней просвещенности общественного мнения могущество людей больше зависит от нравственного их влияния, нежели от бесплодных завоеваний. Я с гордостью стремлюсь к этому нравственному влиянию, содействуя освобождению одной из прекраснейших стран Европы». — Но в моем портфеле лежит бумага, доказывающая, что эти слова заслуживали столько же доверия, как бюллетени первой империи. Еще в марте прошлого года, до начала войны, я получил эту бумагу из источника, сообщавшего ей полную достоверность. Она говорила: «Накануне бракосочетания принца Наполеона с принцессою Клотильдою была подписана бумага, называвшаяся «семейным обязательством», — не трактатом и не конвенцией, а просто семейным обязательством (pacte de famille); в ней император французов обещал Сардинии французскую помощь, а король сардинский обещал отдать ему Савойю и Ниццу взамен за приобретения в Ломбардии». — Лорд Мальмсбери поручал тогда лорду Коули спросить французское правительство об этом, но он употребил слово трактат, спрашивал, существует ли подобный трактат, вместо того чтобы спросить, существует ли семейное обязательство, и 1 мая 1859 г. лорд Коули отвечал: «Я сообщил графу Валуевскому, что английское правительство получило известие о том, что 17 января подписан между Францией и Сардинией трактат, по которому Сардиния уступает Франции Савойю в случае приобретения Ломбардии. Граф Валуевский отвечал, что он может сказать мне одно: до сих пор нет никакого трактата между Францией и Сардинией». — Долго не было на это никаких опровержений,

и секретарь (министр) иностранных дел, объявляя палате общин о заключении Виллафранкского мира, с удовольствием мог прибавить, опираясь на слова графа Валуевского, что французское правительство вовсе не думает о присоединении Ниццы и Савойи. «Могу с удовольствием известить палату, — говорил он, — что император французов не делал никакого подобного требования и что, судя по всему, надобно думать, что он не имеет намерения делать какого бы то ни было прибавления к французской территории». — Но наконец 7 февраля лорд Гренвилль (представитель нынешнего министерства в палате лордов) высказал если не всю истину, то по крайней мере нечто, указывавшее на существование обязательства, о котором я говорил. «Французское правительство объявило нам, — сказал он, — что в настоящее время нет вопроса о присоединении Савойи, что одним из многих вопросов, о которых рассуждали перед войною, было присоединение Савойи в случае известных событий, но так как эти события не совершились, то теперь и нет вопроса о присоединении. Французское правительство прибавляет, что если Сардиния, через присоединение Ломбардии и других провинций, станет могущественным итальянским государством, то оно почтет себя имеющим право рассмотреть, на каких условиях оно может дать утверждение такому устройству дел».

В речи 16 марта Кинглек дополнил историю вопроса следующими замечаниями о дипломатических уверениях с стороны Сардинии:

«Предлог, под которым присоединяется к Франции Савойя, легко может быть применен к присоединению рейнских провинций и Бельгии. Знает ли палата, что делается теперь на бельгийской границе? В соседних с Франциею департаментах есть газеты, прямо доказывающие надобность присоединить Бельгию к Франции, говорящие бельгийцам, какие огромные промышленные выгоды получают они от присоединения. Но я не могу не сказать нескольких слов и о способе действий Сардинии в этом деле. Граф Кавур постоянно утверждал, что не давал никаких обязательств и не имеет никакого расположения уступать Савойю. В своей депеше к Нигри, сардинскому посланнику в Париже, он говорит: «Сардинское правительство никогда, ни за какие приобретения, не согласится уступить или променять какую бы то ни было часть земан, столько веков составлявшей славное владение савойского дома». То же самое он говорил сэру Джемсу Гёдсону (английскому посланнику в Турине): «Граф Кавур, приехав ко мне, — пишет сэр Джемс Гёдсон, — повторил прежние свои слова, что Сардиния не заключала никакого обязательства уступать, продавать или обменивать Савойю или какую бы то ни было часть королевских владений».

Факты, указываемые Кинглеком, совершенно достоверны: действительно, условие об уступке Савойи было подписано Валуевским и Кавуром в начале прошлого года, еще до войны. Действительно, Франция и Сардиния в своих дипломатических ответах на вопросы других кабинетов до последнего времени постоянно отвечали, что такого условия не существует, и наконец всего месяца два тому назад говорили даже, что никто не думает о переходе Савойи под власть Франции. Но Кинглек совершенно ошибается, и что всего хуже, сам знает, что ошибается, когда выводит из этих фактов заключение, будто бы Сардиния и Франция кого-нибудь обманывали своими ответами, не соответствовавшими фактам. Кинглек сам очень хорошо понимает, что ответы подобного рода составляют чистую формальность, которой

не придается никакого существенного значения, ни отвечающими, ни получающими ответ. Когда, например, Мальмсбери или Россель спрашивали Кавура или Валевского, существует ли обязательство уступить Савойю, они были уже уверены, что обязательство существует; они имели на это положительные доказательства; они знали также, что если об этом обязательстве французский или сардинский кабинет сам не объявил английскому, то значит, что объявить было нельзя и что ответ по необходимости будет отрицательный. Кавур или Валевский, давая отрицательный ответ, также очень хорошо знали, что Мальмсбери или Россель вперед знают невозможность придавать какую бы то ни было существенную важность этому ответу. Потому обмана тут никакого не было, а все дело ограничилось исполнением формальностей, не ведущим ни к чему и ничему не обязывающим, а требуемым только светскою деликатностью.

Теперь уже напечатан акт, которым король сардинский уступает Савойю и Ниццу Франции. Но этот акт нуждается в утверждении парламента, который собрался в Турине 2-го апреля; само собою разумеется, что парламент может не дать своего утверждения, и тогда все дело расстраивается; но само собою разумеется также, что Кавур совершенно уверен в согласии парламентского большинства на уступку, — иначе он сам помедлил бы до парламентского решения обнародованием уступки; прения по этому делу могут быть интересны, но если не произойдет до той поры каких-нибудь неожиданных перемен в политическом положении, они будут просто соблюдением формальности. Точно так же читатель, конечно, и без наших объяснений знает, что согласие самой Савойи и Ниццы на переход к Франции — не более, как формальность. Говорят, что в Савойе большинство народа не останется недовольно такою переменою, — это очень может быть, судя по соображениям, которые читатель найдет ниже, в речи Брайта по савойскому вопросу. В Париж уже являлась депутация муниципальных властей Савойи с принесением своего подданства императору, — впрочем, это еще ничего не доказывает, потому что читателю очень хорошо известно, каким образом составляются подобные депутации. Но в Ницце не успели устроить даже и такой демонстрации: напротив, муниципальное управление послало к Виктору-Эммануэлю просьбу, что если уже невозможно Ницце оставаться сардинским городом, то пусть по крайней мере будет она объявлена отдельным маленьким государством. Ницца город чисто итальянский, потому очень естественно ее желание не поступать в состав иноплеменного государства. Да и сами савойяры, несмотря на одноплеменность с французами, вероятно станут довольны своим новым положением только впоследствии, когда убедятся по опыту в его материальной выгоды, а теперь едва ли еще успели проникнуться желанием перейти под власть парижского правительства. Важность дела,

впрочем, не в том, довольно ли переменою население, над которым она производится: на это обстоятельство никогда не обращали большого внимания исторические силы. Многозначительность событию придается не отношениями его к самим савойярам, а политическими и военными соображениями других держав.

Савойя служит военным путем из Франции в Италию. Особенную важность в этом отношении имеет северная часть Савойи, округа Фосиньи и Шабле, в которых лежат главные горные проходы. В 1815 году, когда старались оградить Европу от французских вторжений, было постановлено, что северная часть Савойи должна быть нейтральною землею, подобно Швейцарии; швейцарцам было поручено особенное наблюдение за сохранением этого нейтралитета, драгоценного и для них самих, потому что он ограждает от Франции самостоятельность Женевы и всей юго-западной Швейцарии. Швейцария еще до начала войны тревожилась слухами об уступке Савойи, обращалась с замечаниями к французскому двору и к державам, подписавшим трактат 1815 года, особенно к Англии. Когда дело возобновилось в конце прошлого года, эти настояния усилились и Наполеон III нашел нужным объявить швейцарскому посланнику в Париже, что в случае уступки Савойи северная часть ее будет присоединена не к Франции, а к Швейцарии. Это было бы сообразно и с желанием северных савойяров, имеющих теснейшие промышленные связи с Женевою, и ограждало бы Швейцарию. Но потом, когда дело об уступке приблизилось к развязке, французское правительство нашло, что нет надобности отдавать Швейцарии северные савойские округа: безопасность Женевы и других юго-западных кантонов будет, по словам парижского кабинета, достаточно ограждена, если северная Савойя будет взята Франциею с обязательством считать ее нейтральною землею, как считалась она при сардинском правительстве. Швейцарцы нимало не успокоились таким обещанием: они говорят, что могли наблюдать за сохранением нейтралитета в северной Савойе, когда она принадлежала Пьемонту, не превосходящему Швейцарию своими военными силами, но будут совершенно лишены средств останавливать такую сильную державу, как Франция. Само собою разумеется, что никому не было бы охоты слушать швейцарцев, если бы опасность грозила им одним; но присоединение Савойи к Франции кажется западным державам только первою попыткою французского правительства расширить Францию до так называемых естественных ее пределов, до Альп и Рейна. Расширение границ на юге до Альп происходит на счет Пьемонта и Швейцарии; и область, присваиваемая тут Франциею, мала и бедна. Но если тот же принцип будет приложен к Рейну, то Франция захватит земли обширные и богатые, главную массу которых составляют рейнские провинции Пруссии и королевство Бельгийское. Это было бы, — не знаем, на самом ли деле, или

только по мнению дипломатов, — слишком большим увеличением французского могущества. Итак, процесс, которому теперь подвергается Савойя, представляется только предисловием к выражению претензий Франции на баварские и прусские земли по левому берегу Рейна и на Бельгию. Потому дипломаты западных держав очень недовольны присоединением Савойи. Сколько переговоров и беспокойств производится этим событием, можно видеть из того, что вот уже несколько недель ни одно заседание верхней или нижней палаты английского парламента не проходит без рассуждений о савойском деле. Но до сих пор все ограничивалось разговорами и писанием депеш. Собственно из-за Савойи никакая держава не хочет начинать войну с Францией, а если нет решимости доходить до войны, то напрасно было бы и начинать ссору. Ближе всех дело о расширении французских границ касается Англии и Пруссии. Но Пруссия не так сильна, чтобы одна могла вести наступательную войну с Францией; потому дело собственно зависит от Англии, и торийская оппозиция сильно претендует на нынешний кабинет за то, что он не вступает в ссору с Францией. Россель и его товарищи очень основательно отвечают, что не могут начинать ссоры, которая вела бы к войне, когда видят, что английская нация решительно не хочет начинать войну из-за савойского вопроса. Почему не хочет этого английская нация, читатель увидит из следующего отрывка речи Брайта, сказанной 2 марта в ответ Роберту Пиллю, упрекавшему министров за слабость их сопротивления императору Наполеону в савойском деле:

«Прежде чем кто-нибудь из членов правительства даст ответ на вопрос достопочтенного баронета, — сказал Брайт, — я предложу достопочтенному баронету самому вопрос: — чего он хочет? Если достопочтенный баронет не может ничего посоветовать правительству, то говорить об этом предмете значит просто терять время, — мало того, значит делать положение худшим прежнего. Мы не французский парламент, не савойский парламент, не европейский парламент, — мы английский парламент; и если нельзя доказать, что вопросы иностранной политики, беспрестанно предлагаемые нам, имеют прямой и очевидный интерес для нашего отечества, то какое нелепое зрелище представляем мы Европе и целому свету, постоянно рассуждая о них? Всмотримся в дело. Оно не таково, чтобы нельзя нам было судить о нем хладнокровно. Вероятно, все мы согласны в том, что было бы лучше, если б в Европе не было никаких неудовольствий и если бы никто не хотел изменять существующие границы государств. Но состояние Европы не таково и невозможно ему быть таким. Эти достопочтенные джентльмены (тори) полагают, что если границы государств устроены были в 1815 г. — устроены так, что это устройство было совершенным расстройством, — то мы, как нация консервативная, должны защищать это устройство и противиться всякому изменению в нем; что мы, согласившись на отделение Бельгии от Голландии, согласившись на перемены, произошедшие теперь в Италии, должны как-нибудь выказать свои добродетели по савойскому делу и обвинять императора французов в великой измене европейским интересам за то, что он не хочет сохранить венского трактата. Я вместе с достопочтенным джентльменом (Робертом Пилем) жалею, что этот вопрос поднят в Париже. Я говорю притом, что приобретение Савойи не принесет Франции никакого увеличения силы, не принесет ей никакой выгоды. Каким образом могущество Франции увеличится

от присоединения гористой области с малочисленным населением, этого я не могу понять и сообразить. Не думаю также, чтобы уступка Савойи чувствительно ослабила Сардинию или произвела в ней важную перемену. Очень сомневаюсь и в том, чтобы эта перемена была невыгодна для савойского народа. Не претендую на то, чтобы мои сведения были обширнее сведений достопочтенного баронета; но я слышал от многих заслуживающих доверие людей, что жители Савойи не имеют ничего против присоединения к Франции, а напротив, считают его выгодным для себя. (Ропот в палате.) Нам всем может очень прискормно, что они так думают, но я объясню палате, почему они так думают. Из достовернейшего источника мне известно, что присоединение к Франции удвоит цену поземельной собственности в Савоие. Желал бы я знать, кто в какой-нибудь другой стране был бы недоволен переменою, от которой удвоилась бы ценность поземельной собственности в этой стране? Рабочие классы в Савоие также знают, что ценность труда в Савоие увеличится от присоединения к Франции. Лион от Шамбери всего в двух или трех днях пути, если не меньше. Лионские фабриканты тотчас же заведут фабрики по всей Савоие, перенесут в нее свой капитал и деятельность, и богатство Савойи увеличится. Потому что, если я не хочу, чтобы наше правительство помогало этой перемене, то не хочу, чтобы оно и противилось ей. Противиться этому, вы согласитесь, было бы вздорно. Несмотря на ваше сопротивление, Савойя все-таки перешла бы к Франции; вы только взволновали бы Европу и ввели бы Англию в столкновение с Францией. По-моему, лучше пусть пропадет Савойя, — впрочем, тут она вовсе не пропадет, да и не пострадает, — чем нам, представителям английского народа, вводить наше правительство в ссору с французским правительством и народом по предмету, нимало не касающемуся наших интересов. К сожалению, оказывается, чем меньше касается наших интересов какой-нибудь иностранный вопрос, тем больше он поглощает внимание членов нашей палаты. В течение многих поколений мы старались переделать карту Европы. Мы расточали кровь и сокровища на установление разных границ, чтобы известные земли принадлежали известным фамилиям, как будто стоило хлопотать об этом; и мы потерпели решительную и постыдную неудачу во всех этих хлопотах. Рассудим же, во имя здравого смысла и интересов английского народа, об этом вопросе спокойно и хладнокровно, как о предмете, касающемся только французского государства, сардинского государства и савойского народа. И если оба эти государства согласились на переход Савойи от Сардинии к Франции, а сам савойский народ расположен к этой перемене, то я говорю, что противно интересам Англии и чести английского правительства хлопотать об этом, чтобы помешать этой перемене, которой я никогда не стал сам бы помогать, но которая, по моему убеждению, не стоит того, чтобы налагать какую-нибудь подать на английский народ или тратить хотя одну каплю крови на замедление ее хотя одною минутою».

Как бы то ни было, но савойское дело служит для целой Европы сильным доказательством намерений нынешнего французского правительства перейти к той политике, какой Франция следовала при Людовике XIV и Наполеоне I⁵. К чему приведет такое чувство, угадать нетрудно. Всякие сомнения в основательности опасений, постоянно высказывавшихся немецкими и английскими публицистами, исчезнут, и Западная Европа будет готовиться к отражению нападений, ожидаемых от Франции. Общее положение дел становится критическим. Кризис может произойти скоро, может и затянуться на долгое время. Вычислить его продолжительность месяцами нельзя, потому что в вопросе о времени все зависит от бесчисленных, быстро меняющихся об-

стоятельство; но характер положения зависит от фактов, которые мы уже видим и которые сильнее всяких мимолетных дипломатических отношений. Этими фактами определяется положение европейских политических дел до той поры, пока произойдет вооруженное столкновение, к которому они ведут неизбежно. Но само собою разумеется, что сущность дела может по временам прикрываться разными второстепенными случайностями и развязка может быть отсрочена или на несколько месяцев, или даже на несколько лет, усилиями государственных людей. Теперь говорят, что по савойскому вопросу и в особенности по вопросу о нейтралитете северной части Савойи соберется конгресс или состоится конференция.

Можно было бы с довольно твердою уверенностью думать, что развязка довольно далека, если бы не существовало в других политических вопросах множество поводов, могущих ускорить столкновение. Читатель знает, например, что есть довольно сильные основания ожидать нынешнею весною возобновления военных действий в Италии. Австрия говорит, что не начнет войны из-за присоединения Центральной Италии к Пьемонту; но почему знать, удержится ли она при нынешней политике? В Вене начинает получать перевес воинственная партия, к которой сам император расположен по характеру и по любви к военному делу. Австрия твердит, что Кавур, а в особенности демократическая партия в Италии, хочет вторгнуться в Венецию, для изгнания австрийцев. Очень правдоподобно, что это желание есть у итальянцев; но они не приступят скоро к его исполнению без вызовов со стороны Австрии: им нужно еще организовать и укрепиться. Поводами к вызовам на войну или даже к прямому объявлению войны со стороны Австрии могут послужить дела Церковной области и Неаполитанского королевства. В Церковной области только присутствие французов останавливало до сих пор расширение восстания из Романьи до самого Рима. Удаление французских войск из Рима неминуемо приведет к перевороту; об этом удалении постоянно говорят; пока нет еще оснований думать, чтобы желание папы заменить французских своих телохранителей неаполитанскими и угрозы Наполеона III оставить папу на произвол судьбы исполнились на-днях. Но почему знать, к какому образу действий будет приведен император французов своими расчетами? Быть может, он остановится на мысли, что революция в Риме и следующая за нею война австрийцев с итальянцами были бы полезны для упрочения французского влияния в Италии. Шанс этого расчета таков: итальянцы будут разбиты австрийцами и принуждены будут просить французской защиты на каких бы то ни было условиях. То же может произойти еще проще, и без революции в Риме, от одного укрепления австрийцев в надежде, что Наполеон III не будет помогать итальянцам: австрийцы немедленно начнут

войну, как только убедятся в этом. Мы коснулись только двух шансов, а их множество. Шанс против скорого возникновения войны только один: изменение в системе французской политики по итальянскому вопросу. Мы не будем повторять того, что много раз говорили о степени вероятности, какую имеет ожидание этого шанса, несовместное с коренными потребностями нынешней системы. В последние дни стали говорить о возобновлении искренней дружбы между Сардиниею и Франциею. Мы еще не видим фактов, на которых мог бы опираться такой слух; но очень может быть, что на-днях будет произведена какая-нибудь диверсия, вроде знаменитой брошюры «Папа и конгресс». Мы не можем следить за этими мимолетными манифестациями, беседуя с читателем один раз в целый месяц, и можем только сказать, что нужны были бы слишком сильные и продолжительные доказательства для внушения нам доверия к серьезности образа действий, несогласного с принципами и расчетами системы, от которой иные ожидают искреннего желания освободить Италию.

Около того числа, когда мы пишем этот обзор, положение итальянского вопроса представлялось в следующем виде. Австрийцы усиливают свою армию в Венеции. Туринское министерство, вступившее в управление областями Центральной Италии, деятельно занимается усилением армии, для организации которой были пропущены шесть драгоценных месяцев робостью и рутинностью Дабормиды и Ла-Морморы; говорят, что к весне подданные Виктора-Эммануэля будут иметь 300 000 солдат на свою защиту. Папа отлучает от церкви всех, содействовавших отпадению Романьи; из этого должна возникнуть усиленная ссора между Римом и Турином. На случай удаления французов папа уже согласился с королем неаполитанским, чтобы Рим был занят неаполитанским войском. Это опровергается официальными уверениями, но это факт. О самом Неаполе нового сказать нечего: там попрежнему продолжают аресты и тому подобные меры, нужные для поддержания нынешнего порядка вещей, и вообще неудовольствие растет с каждым месяцем. Надобно ли ожидать в Италии военных действий при таком состоянии вещей, предоставляем судить читателю, напоминая ему однакоже, что чрезвычайно многое зависит от воли императора французов.

Во Франции начинает заглушаться ропот протекционистов развивающимся убеждением публики, что понижение тарифа будет выгодно для всего государства. Зато начинают пробуждаться вновь те, впрочем слабые, оппозиционные стремления в законодательном корпусе, признаки которых появлялись и в прошедшем году. Не надобно придавать никакой важности этим попыткам собрания, которое по своему происхождению находится в полнейшей нравственной зависимости от правительства:

читателю известно, что почти все члены законодательного корпуса вошли в него, как кандидаты правительства, исключительно благодаря административному содействию, полученному ими при выборах. Какую цену могут иметь покушения на самостоятельность в подобной корпорации, читатель может знать и без наших объяснений. Но, странным образом, эти господа выбрали первым случаем для своей оппозиции дело, по которому говорили о своей независимости. Они кассировали выбор одного из депутатов (Ла-Феррьерера) за то, что будто бы администрация тяготела над избирателями, рекомендуя этого кандидата, и потому будто бы выборы были не свободны, — претензия очень забавная. Воодушевившись сознанием своей независимости, члены законодательного корпуса начали даже рассуждать о том, что несовместно с независимостью, будто бы составляющей принадлежность депутатского звания в нынешнее время, то обстоятельство, что находятся в числе депутатов некоторые лица придворного штата. Нас уверяют, будто бы ропот силен. Эта оппозиция заслуживает полного презрения сама по себе, но она показывает расположение умов, и мы упоминаем о ней только для того, чтобы напомнить читателю, как необходимо для нынешней системы отвлекать внимание публики иностранными делами от внутренних вопросов.

Англия также совершенно развлечена военными и дипломатическими заботами и опасениями. Билль о парламентской реформе, представленный лордом Росселем 1 марта, мало занимает собою публику, газеты и палаты, внимание которых поглощено опасностями, порождаемыми или предсказываемыми савойским делом. Билль этот умерен до чрезмерности. Почти вся перемена, им предлагаемая, ограничивается понижением ценза в городах с 10 фунтов на 6, а в графствах с 50 фунтов на 10. От этого число избирателей увеличивается на 40 процентов и к прежнему миллиону их прибавляется тысяч полтораста или двести работников из числа тех, которые получают лучшую плату; остальные 200 или 250 тысяч новых избирателей будут мелкие фермеры, мелкие лавочники и другие люди небогатых разрядов среднего сословия. Само по себе такое маловажное расширение круга избирателей было бы неудовлетворительно; но еще неудовлетворительнее билль потому, что предлагает слишком ничтожную перемену в распределении депутатов между маленькими городами и огромными городами. В прошлом году, во время агитации Брайта и во время прений о билле д'Израэли, мы говорили, что именно этот вопрос самый важный; теперь Ливерпуль и Манчестер, имеющие каждый по 400 000 жителей, избирают каждый только по 2 депутата, и в то же время есть целые десятки ничтожных городишек с какими-нибудь 7 или 10 тысяч[ами] жителей, которые также выбирают каждый по два депутата. Чтобы достигнуть хотя некоторой пропорцио-

нальности между величиною избирательных коллегий и числом посылаемых ими депутатов, нужно было бы взять у маленьких городов более 100 депутатских мест, которые следовало бы распределить между графствами и большими городами. Билль лорда Росселя предлагает переместить только 25 депутатов. При такой мизерности его, само собою разумеется, что он не заменяет открытую подачу голосов через записыванье в реестры тайною баллотировкою, которая нужна для ограждения независимости избирателей. Можно судить, соответствует ли такой билль потребностям общества. Но что же делать? Значительные реформы могут быть проводимы только настоятельным требованием публики, только серьезный гнев ее может побеждать сопротивление враждебных общественному благу интересов, а английской публике не до парламентской реформы: все заняты опасениями общей европейской войны. При этом состоянии общественного внимания, или, лучше сказать, невнимания ко внутренним вопросам, прогрессисты принуждены поддерживать билль Росселя, будучи в такое неблагоприятное для прогрессивной требовательности время довольны даже неудовлетворительною уступкою им со стороны аристократического отдела вигов и отлагая до более решительной поры агитацию для получения более решительных реформ, проведение которых через палату общин все-таки несколько облегчается биллем Росселя, увеличивающим прогрессивный элемент в избирательных коллегиях и дающим несколько новых депутатов прогрессивным избирательным округам, то есть большим городам.

На континенте многие ошибаются относительно причины, по которой англичане боятся войны: многие публицисты и государственные люди других наций, особенно французской, воображают, будто английская нация боится неуспеха в войне, — вовсе нет: англичане твердо убеждены, что единственная держава, которая могла бы успешно бороться с ними, — Северо-Американские Штаты; но с Северо-Американскими Штатами едва ли возможна у них война; потому что обе нации считают теперь себя почти одною нациею и одинаково не хотят никаких серьезных ссор между собою. А в войне с какими бы то ни было другими державами или хотя союзом держав Англия наверное рассчитывает одержать верх. Она боится не неуспеха в войне, а боится войны, хотя бы самой успешной, потому что находит самую успешную войну делом разорительным. Это внушение здравого смысла уже настолько сильно в Англии, что господствует над умами, когда они не раздражены страстями; но вспыхни война на материке, страсти разгорятся, дипломаты будут вовлекать в нее, и англичане чувствуют, что они еще не настолько овладели собою, чтобы долго могли устоять против собственных страстей, чужих вызовов и приглашений, — вот это опасение за свои собственные чувства и заставляет их

заботиться о сохранении мира на европейском материке. Они чувствуют, что пушечные выстрелы еще возбуждают в них марсо-манию. Эти обе стороны дела очень хорошо выставляются в их делах с Китаем. Затронута их национальная гордость стычкой на Пей-Хо⁶, и они не в силах удержаться, снаряжают экспедицию, втягиваются в войну, хотя сами чувствуют, что эта война вещь дурная и разорительная. Чтобы ближе познакомиться с понятиями англичан о таких делах, мы прочтем отрывок из речи, сказанной Брайтом 16 марта по поводу назначений кредита на китайскую экспедицию:

«Мы теперь запутались в дело, которое даже человеку с самой глухой совестью в этой палате не может представляться честным делом, — говорит Брайт. — Посмотрим, как шло это дело. Я не стану возвращаться к первой китайской войне (1843 г.), которая была самым дурным делом, какое только возможно. Я стану говорить только о второй войне (1857 г.), начатой неосторожностью сэра Джона Боуринга, английского уполномоченного. Война эта была основана на обмане. Так или иначе, она кончилась; но при переговорах о мирном трактате была сделана важная ошибка. У нас, кажется, было неперменное желание ввести в трактат что-нибудь особенно оскорбительное для китайцев, но решительно бесполезное для наших торговых или политических интересов; мы вытребовали вещь, неслыханную в Китае, — чтобы английский посланник жил в Пекине. Надобно еще поспорить о том, стоит ли держать посланника при каком бы то ни было дворе и не лучше ли было бы нам отозвать назад всех наших посланников. Но, как бы то ни было, странное понятие об английских политических или коммерческих выгодах должны иметь люди, которые думают, что могут получить бог знает сколько пользы, когда возьмут какого-нибудь неопытного или голодного дипломата и пошлют его жить в Пекин, где ему очень неудобно жить и где нет в нем никакой надобности. Это условие было включено в трактат, я думаю, только за тем, чтобы унижить китайцев и доказать безусловное торжество английского оружия над слабым китайским правительством. Впрочем, это все равно; но когда посланник отправился в Пекин и произошло столкновение на Пей-Хо, то мы опять были так же неправы, как в том деле, из-за которого начали вторую китайскую войну в 1857 году. Все доказательства, на которых опирался нынешний министр иностранных дел, осуждая войну 1857 г., совершенно применяются к делу, теперь им как будто защищаемому. Он говорит, что китайцы поступили с англичанами на Пей-Хо коварно; но капитан английской службы, участвовавший в этом убийственном и несчастном деле, объяснил нам, что никакого коварства не было, что если бы китайцы хотели поступить с нами коварно или устраивали засаду, то ни один корабль не уцелел бы и ни одного из бывших в эскадре англичан не осталось бы в живых. Это говорит человек, участвовавший в деле. Если мы люди рассудительные, то, запутавшись в это дурное и преступное дело, мы не должны прикрывать его обвинением китайцев в коварстве. Надобно обвинять в безрассудстве и бездарности нашего посланника и в большой опрометчивости нашего адмирала, хотя этот адмирал и храбрый человек. Храбрость с рассудительностью прекрасная вещь, но без рассудительности ведет только к подобным несчастиям. Это не мое собственное мнение, а мнение офицеров, служивших в Китае, и 99 человек из 100 рассудительных людей в Англии, читавших рассказ об этом гибельном деле. Тут нынешнее правительство пока еще ни в чем не виновато: оно приняло власть в ту самую неделю, как произошло это дело на Пей-Хо, и нельзя осуждать его в этом деле, произошедшем за 15 000 миль отсюда. Но потом кабинет не выказал рассудительности, которой следовало бы ожидать от него.

Невозможно читать рассказов об этом деле в английских и индийских газетах, не приходя к заключению, что наш посланник Брюс обнаружил тут совершенную нерассудительность и что ее следствием была эта убийственная неудача. Что же сделали с человеком, выказавшим такой недостаток рассудительности? Когда посланник, занимающий свое ответственное место за 15 000 миль от Англии, совершает такие важные ошибки, то первым делом правительства должно было бы не оставлять его в такой важной должности, а заместить его человеком, в котором правительство и Англия могли бы найти здравый смысл и осмотрительность. По моему мнению, совершенная нелепость вести переговоры с народом через посланника, которому не удалось первое и единственное дело его с этим народом и который, конечно, раздражен своею неудачею: вместо того, чтобы являться к народу с благородными чувствами и с уважением, какое возможно при данных обстоятельствах, с искренним желанием устроить дружелюбные отношения между этим народом и своею нациею, он будет ожесточен собственною неудачею. В целом мире невозможно найти человека, менее способного к ведению переговоров или военных действий в Китае, чем Брюс, а он был оставлен нашим посланником в Китае. Кто прочитает его депеши, тот увидит, что он всегда был неспособен к своей должности, потому что с самого начала действовал в духе самой дурной подозрительности. В каждом слове его видно, что он хотел оскорблять, а не уважать чувства людей, с которыми вел переговоры... Если мы сильнее китайцев, из этого еще не следует, чтобы мы должны были употреблять свою силу на оскорбления им. Благородный лорд, находящийся во главе правительства, вероятно, объяснит нам, какой пользы надобно ожидать от того, что Брюс или преемник Брюса поселится в Пекине. Если он покажет, что выгоды от этого будут гораздо больше, чем вреда, тогда нам можно подумать, посылать ли кого-нибудь в Пекин; но мне кажется, что, по модному нынешнему выражению, мы хотим войну вести за «идею» и притом за одну из самых нелепых идей, какие когда-либо входили в дипломатические головы».

Брайт в этом случае излагает не свои личные мысли, — то же самое говорили все англичане, пока еще не решена была третья китайская война. Первым впечатлением, по получении подробных известий о деле на Пей-Хо, во всех англичанах была мысль, что дело это произведено опрометчивостью и излишнею требовательностью их посланника, что китайцы были правы; это говорили все англичане, говорил «Times», который собственно потому и важен, что не имеет собственного мнения, а только излагает мнения, господствующие в публике; это говорили и члены кабинета, Россель, Глэдстон, Мильнер, Джибсон. Сомневался ли кто-нибудь из англичан в успешности войны с Китаем? Нет, англичане боялись побед. Но постепенно публика разгорячалась от рассуждений о деле на Пей-Хо, которое уменьшит в китайцах уважение к английской силе, если не будет она вновь доказана Китаю, — и постепенно Англия увлеклась в войну, и теперь никто не хочет слушать Брайта, который имел твердость остаться при мыслях, бывших прежде общими для всей английской публики. Вот почему Англия и боится всяких поводов к войне: она знает, что не удержится от опьянения, производимого ими. В победе она не сомневается, но знает разорительность побед и старается, чтобы оставался закрыт путь, ведущий к ним.